

Розділ другий. РЕЛІГІЙНИЙ ЧИННИК В КОНТЕКСТІ ІСТОРИЧНОЇ ДОЛІ УКРАЇНИ

2.1 Алла АРИСТОВА. УКРАИНА: ЗА ГРАНИЦАМИ РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЫ

Анотації. У статті аналізуються зміни конфесійного ландшафту, рівня і якості релігійної свободи, що сталися в останні роки на анексованих та окупованих територіях України. Узагальнені особливості релігійної ситуації на Кримському півострові та східних регіонах України.

Ключові слова: релігійна свобода, конфесійний ландшафт, правове поле, дискримінація конфесій.

In the article by Alla Aristova "Ukraine: Beyond the Boundaries of Religious Freedom", the changes in the confessional landscape, and in the level and quality of religious freedom that have occurred in recent years in the annexed and occupied territories of Ukraine are analyzed. The features of the religious situation on the Crimean peninsula and the Eastern regions of Ukraine are generalized.

Key words: religious freedom, confessional landscape, legal field, discrimination of confessions.

События, произошедшие за четверть века в религиозной жизни Украины, **актуальны для исследования**, видимо, уникальны для украинской истории:

- **по своей сложности, противоречивости** (ибо маятник изменений раскачивал всю религиозную сферу – от упадка к возрождению, от застоя к бешеной динамике, от религиозной дискриминации к максимальной религиозной свободе и обратно);

- **по темпам и качеству изменений**, которые охватили все сферы религиозной жизни: от конфессионального ландшафта – до моделей государственно-церковных и межконфессиональных отношений;

- **по степени их влияния** на социум, на духовные, мировоззренческие, политические и геополитические, национальные и другие процессы – влияния, которое адекватно будет оценено только в будущем.

Вместе с тем, если в «пред-Майданный» период наблюдалась некая стабилизация ситуации, своеобразное «религиозное насыщение» украинского общества: количество общин росло на 1-2% в год, социальная база основных конфессий в принципе была сформирована, региональное влияние в целом распределено, никаких резких трансформаций религиозного ландшафта не ожидалось, даже общественные дискуссии о Поместной церкви, казалось, потеряли остроту и др. – то Майдан, Революция Достоинства, агрессия России на украинские территории взорвали это внешнее затишье. Аннексия Московской Крыма и военные действия в восточных областях Украины изменили не только конфессиональный ландшафт, но степень и «качество» религиозной свободы.

Цель исследования. Начну с того, что в последние два года официальная статистика приводится без учета религиозной инфраструктуры Крыма, части Донецкой и Луганской областей, где действуют так называемые ДНР и ЛНР. Причем достоверной, полной, объективной информацией не владеет **ни одна из сторон** – ни власти Украины, ни оккупационные власти:

✓ Мы не знаем **точного количества религиозных организаций**: та официальная информация, которую дает, например, РФ по ситуации в Крыму – необъективна, особенно после кампании принудительной перерегистрации общин, а достоверной информации по религиозным общинам Донбасса нет вообще.

✓ Мы не знаем **адекватной конфессиональной структуры** (за исключением того, что на всех захваченных территориях ныне доминирует РПЦ): касательно целого ряда конфессий остается только предполагать, прекратили ли они свою деятельность вообще, или перешли в «привычный» для советского прошлого катакомбный режим.

✓ Мы не знаем, наконец, реальный процент **проукраински настроенного населения**, ибо все способы и формы проявления верующими украинской идентичности

активно и быстро пресекаются; антироссийские настроения, безусловно, есть, но они загнаны вглубь.

Что известно точно – религиозные организации на этих территориях находятся вне поля действия украинского законодательства. И большинство из них – **вне поля религиозной свободы**. А все проукраински ориентированные церкви и религиозные организации последовательно и жестко вытесняются из этих территорий.

Таким образом, на территории Украины можно условно **выделить три качественно различные «правовые зоны»** и, соответственно, специфическую территориальную конфигурацию религиозной свободы/несвободы:

1) материковая Украина – зона украинского правового поля, с реализованной свободой вероисповедания, демократическими институтами равенства религий и религиозных организаций, достаточно высоким уровнем религиозной свободы, правовыми гарантиями свободы совести;

2) Крымский полуостров – зона правового поля РФ, где сфера религиозной свободы значительно сужена, по сравнению с материковой Украиной; с фактическим неравноправием конфессий и ограничением целого ряда фундаментальных прав граждан (в т.ч. и свободы слова, печати, собраний, передвижения);

3) районы военных действий Донецкой и Луганской областей, где говорить о правовом поле вообще не приходится. Это – зона «религиозной несвободы», территория открытой дискриминации неугодных режиму конфессий, политических и религиозных репрессий, грубого нарушения фундаментальных прав и свобод, тотального контроля самопровозглашенных властей над религиозной сферой. Коротко о каждом сегменте.

I. Материковая Украина.

Наша страна является примером европейски ориентированного поликонфессионального государства с высоким уровнем реализации демократических прав и свобод в религиозной сфере. В правовом измерении Украина стала одним из немногих постсоветских государств, где утвердилась реальная религиозная свобода и либеральное законодательство, не содержащее понятий «государственной церкви» и «деструктивных культов». По данным Департамента по делам национальностей и религий, в Украине действует более 120 разных конфессий, а общее количество религиозных организаций на начало 2017 г. достигло 35,9 тыс. (и, в целом, за годы независимости выросло втрое).

Общий тренд в сфере государственно-церковных отношений – процесс окончательного освобождения от рудиментов советского прошлого, тех установок и стереотипов, которые ограничивали свободу мысли, убеждений и вероисповедания. Нынешние усилия направлены на формирование новой – партнерской – модели отношений между государством и религиозными организациями, особенно в сфере социальной, гуманитарной, образовательной, культурной работы, помощи переселенцам и пострадавшим от АТО, волонтерства, межрелигиозного диалога и медиаторства, обеспечения прав религиозных общин. В этом направлении многое сделано, особенно в сфере законотворчества. Так, среди самых резонансных законодательных инноваций и инициатив последних лет:

- внедрение военного капелланства;
- организация альтернативной службы в период мобилизации;
- организация душепопечительства в пенитенциарных учреждениях;
- инициативы по упрощению регистрации религиозных организаций;
- реформы в сфере религиозного образования;
- отмена дискриминационных норм, усложняющих право верующих на мирные собрания (в т.ч. праздничные мероприятия, крестные ходы);
- законопроект, обеспечивающий право религиозных общин изменить подчиненность тому или иному религиозному центру и т.д.

Со своей стороны, религиозные организации и центры проявляют большую активность, они стали значимой частью гражданского общества и публичного пространства, их голос чаще звучит в защиту своих прав и свобод.

II. Крым

В Крыму религиозная ситуация после аннексии, развивалась в 2 этапа:

Первый этап – условно назовем его «зачистка», хоть и грубо, но по сути верно – кампания очищения полуострова от религиозных организаций и конфессий с проукраинской позицией. Именно первый этап был связан с системными и целенаправленными нарушениями фундаментальных прав и свобод верующих.

Второй этап – опять же условно, этап «интеграции» – включение уже подготовленного, подконтрольного крымского социума в Российский, приведение его в соответствие с общероссийской моделью государственно-церковных отношений.

До аннексии в Крыму функционировало **2083** религиозных организаций плюс **137** в Симферополе, из которых **1409** были зарегистрированы согласно законодательству Украины, а еще 674 действовали без статуса юридического лица. Ныне статистика РФ по Крыму такова: **1072** зарегистрированные религиозные организации полуострова и Севастополя (из которых 632 православных), а положение второй, «пропавшей» тысячи общин вызывает больше вопросов, чем ответов

При этом, конфессиональная структура изменилась не только количественно, но и качественно: если в 2014 году на территории полуострова уживались 52 конфессии, ныне их около 30. Если три года назад на территории Украины были единичные организации РПЦ, то ныне их количество быстро растет: сначала имущество крымских епархий УПЦ МП – Феодосийской и Симферопольской – было передано на баланс Русской Православной Церкви, а затем объявлено и о передаче православных общин. В районных отчетах местной администрации о религиозной ситуации на январь 2017 г. аббревиатура УПЦ МП не встречается – ее заменила РПЦ (хотя официально Синод РПЦ подчеркивает нерушимость канонических границ УПЦ МП и невмешательство в ее внутренние дела). Так или иначе, изменения коснулись всех сегментов религиозной инфраструктуры: для одних конфессий аннексия Крыма стала исключительным шансом укрепить свои позиции, для других – началом жесткой дискриминации и потерь. А именно:

– УПЦ МП становится идеологической опорой власти и освящает русское присутствие в Крыму; епископат охотно сотрудничает с новыми властями; епархии активно включились в российские социальные и культурные программы; монастыри получили новых спонсоров и федеральную поддержку; активно развивается религиозный туризм и духовное паломничество;

– на фоне успехов УПЦ МП трагически выглядит положение других православных конфессий: УАПЦ практически исчезла; из 44-х парафий УПЦ-КП, которые действовали на начало 2014 г., через год осталось 9, сейчас – 1. УПЦ КП, имея в Крыму не только прихожан, но и сочувствующих, видимо, будет вынуждена существовать в модели «гонимой церкви» и окончательно перейдет на нелегальное положение;

– УГКЦ стала одной из главных мишеней властей, в то время как римо-католики получили, казалось бы, неожиданный шанс – образование особого пасторского округа, в который вошли католические и часть греко-католических общин (зарегистрированные как католики византийского обряда). Однако шанс оказался иллюзорным – все приходы зарегистрированы как автономные, а любые земельные и финансовые просьбы, требования реституции культовых сооружений остаются без внимания. Декорация лояльности к римо-католикам – слишком декорация, чтобы казаться правдой;

– немецкая лютеранская церковь с восторгом восприняла перемены на полуострове и заняла активно пророссийскую позицию. Лютеране вошли в состав Евангельско-Лютеранской Церкви России, встретили новых русских пасторов и стали частью крымской кампании «Россиефикации». А раскол внутри лютеранской общины некоторые оценивают как часть расчётливой политики российских властей: создание автономных объединений,

отдельно от местных лютеран, позволяет первым претендовать на культовые сооружения и другую собственность, перебирая их в свои руки;

– суровым прессингом обернулась аннексия полуострова для баптистов, пятидесятников, харизматов – носителей западных демократических ценностей, религиозной свободы и патриотической украинской позиции. Раскола на проукраинскую и пророссийскую части не избежала фактически ни одна из протестантских конфессий. Настоящим ударом стала вынужденная эмиграция ведущих пасторов и миссионеров (тем более обидная, что после многих лет служения весомая часть их паствы поддалась иллюзиям российского благополучия). Как сказал в интервью известному социологу религии Р. Лункину пастор независимой общины евангельских христиан С. Головин: «Мы вышли из Египта коммунизма в пустыню демократии, и роптавшие оказались довольны, что фараон их догнал». Для многих пасторов основной канал связи с паствой – net-коммуникация. Объем социальной работы резко упал, протестантам запрещено работать в социальных учреждениях, проводить публичные акции, осуществлять миссионерское служение. Не говоря уже о том, что протестантские конфессии резко потеряли свой прежний социальный статус, в одночасье став «сектантами», а то и «предателями»;

– в новую фазу перешла и жизнь мусульманской уммы Крыма, особенно крымских татар. С 2014 г. к ним возвращаются системные преследования. Резонансными событиями стали запрет Меджлиса крымских татар (в 2016), отнесенного к числу экстремистских организаций; возбуждение уголовных дел против национальных лидеров и запрет их въезда на территорию Крыма и РФ; систематические нарушения прав и свобод крымско-татарских активистов, инкриминирование террористической деятельности; многочисленные факты физического насилия; закрытие крымско-татарских СМИ и др. В итоге произошел раскол внутри крымско-татарской общности по политическим мотивам, часть эмигрировала со своей исторической Родины. Кроме того, из украинского прошлого в умму объявленного российским Крымом перекочевали конфликты мусульманских духовных структур; часть мусульманских организаций была запрещена и депортирована с полуострова.

В итоге, оказавшись не только вне украинского, но и формально вне международного правового поля, многие религиозные организации оказались в условиях фактической изоляции, без гуманитарной и финансовой помощи, миссионерской поддержки, контактов с зарубежными миссиями и церквями. А мониторинговые миссии собирали вопиющие факты нарушения фундаментальных и прав и свобод на полуострове, в том числе: преследования за религиозные убеждения, угрозы священникам и членам их семей (многие из которых были вынуждены вывезти с полуострова свои семьи, в т.ч. все духовенство УГКЦ и УПЦ-КП); аресты, допросы, похищения священнослужителей, религиозных активистов и журналистов; обыски частных и культовых помещений; попытки захвата храмов или их разрушения, поджога мечетей, конфискации имущества; запрет большинства религиозных СМИ, включая веб-сайты, введение индекса запрещенных книг и перечней экстремистских организаций; ограничения и запреты на публичную культовую деятельность для «нежелательных» конфессий.

Не удивительно, что среди религиозных лидеров в Крыму крайне мало убежденных и искренних симпатиков России. Большинство вынуждены приспосабливаться к новым реалиям, метаясь между демонстрацией «российского патриотизма» и конформизмом, или «законопослушной» оппозицией, дабы уберечься от обвинений со стороны украинских и зарубежных единоверцев в коллаборационизме с новыми властями.

Кампания перерегистрации и запрет на публичную деятельность в новых условиях резко затормозили развитие конфессий, возможности их влияния и социального служения.

Кроме того, силовые структуры стали не только ресурсом, но практически полноправным субъектом государственно-церковной политики, арестовывая, запугивая, депортируя, «наводя порядок» и жестко контролируя деятельность религиозных организаций. Гонимые конфессии стали мишенью не только для российских спецслужб, но и для новой прессинговой силы – симбиоза православных и административно-чиновничьих структур на местах.

Ныне на этапе «интеграции» крымского социума в Россию используются разные методы: переподчинение местной религиозной инфраструктуры Российским религиозным центрам, управлениям, церковным структурам; создание новых религиозных институций, центров, движений пророссийской ориентации; а также легитимация новой власти через решение тех проблем, которыми не занималась или безуспешно занималась украинская власть (земельные, налоговые, финансовые вопросы, строительство культовых сооружений, открытие духовных учебных заведений и т.д.), но исключительно для тех конфессий, которые признаны историческими, традиционными и которые государство готово рассматривать в качестве субъекта права.

III. Восток Украины

Не только корни этой войны уходят в советское прошлое, но и реальная жизнь оккупированных территорий Донбасса все явственнее становится «ренессансом» советского строя: и в политике, и в риторике. Только идеологической основой служит не марксизм-ленинизм, а идеология «Русского мира», «Единой» и «Святой Руси», православия как «духовной скрепы» русского народа. Несовместимость идеи «русского мира» с поликонфессиональностью и свободой вероисповедания проявилась буквально с первых месяцев захвата террористами власти. Текст «конституции» т.наз. ДНР заложил основы для религиозной нетерпимости как политической стратегии сепаратистов. В ст.9 этого документа сказано: «Первенствующей и господствующей верой является Православная вера..., исповедуемая Русской Православной Церковью (Московский Патриархат). Исторический опыт и роль Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) признаются и уважаются, в том числе, как системообразующие столпы Русского Мира».

Летом 2016 г. глава ДНР подписал закон «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях», где, кроме обязательной регистрации всех религиозных организаций, предусмотрено проведение их плановых и внеплановых проверок в целях противодействия экстремистской, террористической и сектантской деятельности. Для властей ДНР на территории Украины не осталось церковных верующих, есть только униаты, раскольники и сектанты.

Главным объектом репрессий на этих территориях стали не только национальные украинские церкви (православные Киевского патриархата, Автокефальной Православной, греко-католики – ибо их доля была невысока, доминирующей конфессией в регионе оставалась УПЦ МП), но протестанты. А протестантский сегмент здесь был значительным: 366 церковных общин евангельских христиан (пятидесятников, баптистов, адвентистов, харизматов) составляли около трети религиозных общин Донецкой области (33%). Развернулась, по сути, целенаправленная охота на пасторов, дьяконов, активистов протестантских общин, в т.ч. допросы с применением пыток, захват в заложники их и членов семей, доказаны факты расстрелов. Приметой нынешней ситуации в Донецке и Луганске становятся так называемые «стихийные митинги» жителей против «сектантских организаций» под лозунгами «Вон секты из ДНР», с риторикой, напоминающей штампы советских лет: секты обрабатывают молодежь; в их финансировании и работе видна рука ЦРУ; задачи сект – подрыв ДНР изнутри и выполнение этих задач хорошо спонсируется; любому сектантству противопоставим православную веру.

На оккупированных территориях вне закона объявлена 141 община Свидетелей Иеговы. Под прицелом оказались и мусульмане, признаны экстремистскими организациями общины ДУМУ «Умма», Донбасского муфтията. Разграблена и конфискована собственность УГКЦ и УПЦ КП. Угрозой для жизни становится любое проявление проукраинской позиции, использование украинского языка или символики. Захвачены и подверглись вандализму храмы, молитвенные дома, духовные учебные заведения; многие из них brutally использованы для военных нужд – огневых точек снайперов, размещения артиллерийских установок, военных арсеналов, казарм для наемников. Физическое насилие и моральное давление на верующих неугодных

конфессий стало «нормой» их бытия. В этих условиях большинство церквей и религиозных общин в неподконтрольных Украине районах Донбасса вынуждены или прекратить религиозную деятельность, или резко ограничить ее и уйти в подполье.

«Крестовый поход» против «инославных и сектантов», защита «традиционного», «канонического православия» стали идеологией новой волны православного фундаментализма.

От действий сепаратистов и военной агрессии России на Донбассе страдают верующие и священнослужители не только «неугодных конфессий», но «традиционного и исторического» православия. РПЦ и УПЦ МП, представ в имидже священной опоры агрессии, подорвали свой авторитет по всей Украине. Высокий уровень дистанцирования от церкви на Донбассе (где, по данным 2016 г., количество неверующих повысилось до 13,4%, колеблющихся до 19,5%) и низкий рейтинг духовных лидеров среди украинского населения (особенно патриарха Кирилла) – одно из подтверждений этому.

Таким образом, Украина стала жертвой не только территориальной, геополитической агрессии, но и объектом агрессии идеологической, причем религиозно-мотивированной. Ее стержневая цель – **мощная атака на национальную идентичность украинцев**; причем атака грамотная, профессиональная, в том смысле, что направлена на разрушение всех ее основных компонентов: украинской истории, языка, культуры, государственности и, конечно же, национальных церквей (как условие разрушения религиозной составляющей национальной идентичности).

Поэтому, оглядываясь назад, многие эксперты полагают, что мы недооценили значимость национальной церкви (церквей) и роли государства в деле утверждения и защиты национальных церквей как факторов национальной безопасности. На опыте последних лет мы убедились, что и независимость Украины – не свершившийся факт, а все еще задача и цель, которую мы всеми силами стремимся достичь.

Нынешние вызовы для религиозной свободы, с которыми столкнулось Украинское государство, непреодолимы внутреннеполитическими мерами. Вернуть религиозную свободу в оккупированном Крыму и на Донбассе, могут лишь общие действенные усилия всего международного сообщества.

2.2 Оксана ГОРКУША. СВИТОГЛЯДНА ФУНКЦІЯ РЕЛІГІЇ ТА ЦЕРКОВНА ІДЕНТИЧНІСТЬ: ВИКЛИКИ В СУЧАСНИХ КООРДИНАТАХ УКРАЇНСЬКОЇ ДІЙНОСТІ

Анотації. У статті аналізується світоглядне функціонування церков в подіях сучасної України. Досліджується риторика та діяльність церковних інституцій, на основі чого виокремлюється 3-х рівні сприйняття дійсності 1) глобальний 2) «русскоміровський» 3) український. Дається характеристика кожного з них.

Oksana Horkusha's article «The World Outlook function of religion and church identity: challenges in the contemporary coordinates of Ukrainian reality» analyzes the world outlook functioning of churches in the events of modern Ukraine. The rhetoric and the activity of church institutions are explored, on the basis of which the 3 levels of perception of reality are distinguished: 1) global 2) "Russko-mirovsky" (Russian-world) 3) Ukrainian. Given the characteristic of each of them.

Вирвавшись з гето тоталітарної антирелігійної ідеології мешканці України охоче визначались у своїй релігійній належності. Кількість віруючих неухильно зростала а кількість тих, хто вагається чи невіруючих зменшувалась²² впродовж незалежності України.

²² http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=1118 Результати дослідження, проведеного соціологічною службою Центру Разумкова з 25 по 30 березня 2016 року в усіх регіонах України за винятком Криму та окупованих територій Донецької та Луганської областей. Опитано 2018 респондента віком від 18 років.